Какаши понятия не имел, зачем мальчику это нужно, но Наруто распахнул на него голубые глаза и взмолился, отказываясь от своего взрослого "папа" в пользу гораздо более душераздирающего "папочка", как он всегда делал, когда чего-то хотел. И джоунин не видел ничего плохого в том, чтобы позволить парню поджечь несколько вещей - он предполагал, что это может быть связано с укоренившимися инстинктами ловить и готовить свою собственную пищу, которые привлекали его к этой затее с открытым огнём и едой на палочках.

Или Наруто просто хотел поджечь что-нибудь. Небеса знали, что Какаши в возрасте Наруто любил делать то же самое. Вскоре бутерброд Наруто весело пылал, и Какаши усмехнулся, когда Наруто, вскрикнув от досады, швырнул пылающую массу в озеро неподалеку, в котором они оба плавали на веслах.

"Если бросить все это прямо в пламя, оно тоже загорится, Нару", - сказал взрослый, пока Наруто пытался прикрепить еще один бутерброд к концу своей палки. "Попробуй держать его немного выше огня и поворачивать снова и снова. Это займет больше времени, но зато ты не узнаешь на собственном опыте, каков огонь на вкус".

Откинувшись на спинку кресла, он с удовольствием наблюдал, как Наруто поджигает второй, а затем и третий бутерброд, после чего достал из кармана какой-то батончик и нанизал его на палочку.

"Наруто, ты уверен, что тебе стоит готовить батончики, которые я собираюсь притворяться, что не могу увидеть, потому что, если я их увижу, я их конфискую?"

Наруто отмахнулся от взрослого. "Тихо, папа! Я знаю, что делаю".

Какаши отступил назад и захихикал, когда шоколад вспыхнул, не успев растаять. К его удивлению, Наруто вытащил конфету, подул на нее, чтобы потушить огонь, и с удовольствием принялся есть обугленные остатки. Выражение его лица подсказало Какаши, что это не гордость заставила его так поступить: нет, маленький блондин действительно хотел обгоревшего шоколада.

Странно, подумал Какаши, завороженно наблюдая за происходящим.

Когда Наруто вернулся к попытке поджарить свои бутерброды, луна была уже высоко и затянута облаками. Какаши откинулся на спинку кресла и стал наблюдать за белым светящимся кругом, гадая, не собирается ли дождь. Но нет, эти тучи были совсем не похожи на дождь - они просто висели вокруг луны, то и дело проплывая над ней, попеременно погружая землю то в тень, то в свет. Идеальная ночь для всевозможных выходок шиноби, идеальная для краж, идеальная для убийств...

Мысль резко оборвалась, когда Наруто с триумфальным криком выхватил из палочки идеально поджаренный (читай: не подгоревший) бутерброд. "Я сделал это!" - ликовал шестилетний мальчик.

Какаши улыбнулся, наблюдая за Наруто. "У тебя получилось!" - похвалил он. "Ну...", - он резко остановился, и его пробрала дрожь, от которой он похолодел до глубины души, и он понял.

Что-то случилось.

Что-то ужасное.

"Наруто!" - позвал он мальчика, - "Мы идем домой!"

Он не знал, что это было, что происходило, но чувствовал непреодолимое, всепоглощающее давление, требующее увести Наруто в безопасное место - он прекрасно понимал, что здесь, за пределами деревни, они были настолько уязвимы, насколько это вообще возможно.

Наруто взвизгнул, когда отец подхватил его на руки, взвалил на широкую спину и отправился в сторону деревни.

Достигнув Конохи, они обнаружили, что большая ее часть еще спит. Какаши инстинктивно двинулся к штаб-квартире АНБУ, проскочив мимо всех охранников, призванных не пускать туда людей, не являющихся членами АНБУ (вроде него).

"Простите, шиноби-сан", - начал первокурсник, охранявший комнату сразу за дверями штаб-квартиры, но Какаши просто протиснулся мимо него.

"Убери это, новичок", - гаркнул он, повалив Наруто на землю и схватив блондина за маленькую руку. Наруто пришлось идти рысью, чтобы не отстать от Какаши, пока он добирался до одной из общих комнат - той самой, которую его отряд делил с пятью другими отрядами, когда он был частью корпуса.

Люди в белых доспехах беспокойно копошились там, каждый из них чувствовал то же, что и Какаши, - происходит что-то плохое. Кабан, капитан отряда, пытался организовать патруль, но остальные напуганные капитаны собирали вокруг себя отряды и отказывались предоставить необходимые силы.

"Собака!" - крикнул голос. Какаши повернулся к нему, чтобы увидеть члена своего отряда, и тут же удивился, что тот продержался так долго - продолжительность жизни АНБУ была не больше шести лет, которые прошли с тех пор, как Какаши был изгнан.

"Теперь это просто Какаши, Сова", - сказал он негромко. Сова ухмыльнулся сквозь птичью маску и посмотрел на мальчика, который пытался вырвать свою руку из руки Какаши, чтобы тот мог бегать и исследовать.

"Оту-сан" тоже, я слышал", - прокомментировал он. Какаши хмыкнул и скользнул к доске объявлений на одной из стен, ища хоть какой-то намек на то, что заставило всех элитных

шиноби вскрикнуть.

Не удивившись бесполезности доски, он повернулся и увидел, что к нему приближается Кабани. Поскольку он казался одним из наиболее контролируемых АНБУ в комнате, он спросил: "Хряк. Ты что-нибудь знаешь об этом нарушении?"

Кабан натянуто улыбнулся, белые зубы сверкнули сквозь чип в маске (надо бы сообщить об этом - нет, подождите, это не моя проблема, я больше не АНБУ), и провел рукой по своей замаскированной голове. "Нужно иметь мужество, чтобы открыто признать шизофренические наклонности шиноби", - сказал он напряженным голосом. Потом: "Не знаю - все просто нервничают. Я наполовину думал, что, может быть, ребята из "Т и Я" опять в качестве шутки пустили нейротоксин в наш кондиционер, вызвав параноидальные галлюцинации. Но ты здесь, и это само по себе беспокоит меня больше, чем что-либо другое".

Какаши кивнул, даже не заметив, как АНБУ подчинился ему, словно он все еще имел хоть какой-то авторитет в этой обстановке, несмотря на то, что Какаши покинул АНБУ задолго до того, как Кабани задумался о вступлении. "Ладно, - сказал он, - тогда мы должны..."

Он прервал себя, и все звуки в комнате так же внезапно стихли, поскольку по штаб-квартире пронесся сигнал тревоги. Сердце Хатаке подскочило к горлу, и внезапно все пришли в движение.

Сигнал тревоги представлял собой сложную систему, пронизывающую всю деревню и способную в мгновение ока поднять оборону. Любой шиноби мог отключить ее, и все шиноби в ранге чуунина и выше были проинструктированы, как, когда и зачем это делать. Использовать его можно было только в самых тяжелых обстоятельствах, и для всех, кто им злоупотреблял, это имело ужасные последствия. В последний раз его использовали в тот день, когда демон Кюуби появился за стенами деревни, буквально вопя от жажды крови.

Стандартное время реагирования ANBU - десять секунд, и корпус потратил на это как минимум три секунды, прежде чем все в едином порыве бросились приводить себя в боевую готовность, а к Кабану присоединились еще три капитана и техник-новичок.

"Это внутренняя тревога", - прохрипел новичок, выглядевший на мгновение ближе к панике, которую без труда проигнорировали пятеро мужчин, собравшихся вместе с ним. "Внутри комплекса Учиха!"

И все - комната опустела прежде, чем он успел заметить, что ему на руки сунули маленького светловолосого ребенка, не говоря уже о том, чтобы понять прозвучавшие слова: "Потеряй его, и я тебя завалю".

Через минуту-другую, когда все прояснилось, он тупо уставился на ребенка (сколько ему лет? может, шесть-семь?), который смотрел на него сверху вниз.

"Привет, господин АНБУ", - сказал мальчик в наступившей тишине. "Мой папа очень торопился, не так ли? Что мы будем делать, пока он не вернется?"

Новичок сглотнул.

http://tl.rulate.ru/book/101261/3483697